Ссылка для цитирования этой статьи:

Давудова С.Я., Рагимханова К.Т. Основные подходы к юридической ответственности за вред, причиненный искусственным интеллектом // Human Progress. 2026. Том 12, Вып. 1. С. 25. URL: http://progress-human.com/images/2026/Tom12_1/Davudova.pdf DOI 10.46320/2073-4506-2026-1a-28.

ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ВРЕД, ПРИЧИНЕННЫЙ ИСКУССТВЕННЫМ ИНТЕЛЛЕКТОМ

Давудова Саида Ямудиновна
доцент кафедры информационного права и информатики,
Юридический институт,
Дагестанский государственный университет,
г. Махачкала, Российская Федерация

Рагимханова Камилла Тагировна
старший преподаватель кафедры информационного права и информатики,
Юридический институт,
Дагестанский государственный университет,
г. Махачкала, Российская Федерация

Аннотация. Искусственный интеллект обладает рядом специфических характеристик, включая автономность принятия решений, способность к самообучению и вероятностный характер результатов функционирования. Эти особенности существенно осложняют применение классических моделей юридической ответственности, основанных на вине, причинно-следственной связи и контроле субъекта над источником вреда. В связи с этим в юридической доктрине сформировались различные подходы к определению субъектов и объема ответственности за вред, причинённый искусственным интеллектом.

Целью настоящей статьи является анализ основных подходов к юридической ответственности за вред, причиненный искусственным интеллектом, выявление их преимуществ и недостатков, а также определение наиболее перспективных направлений развития правового регулирования в данной сфере. Для достижения поставленной цели используются методы формально-юридического анализа, системного и сравнительно-правового подходов.

Ключевые слова: искусственный интеллект, юридическая ответственность, вред, риск-ориентированный подход, стандарты должной осмотрительности, цифровое право, автоматизированные решения.

Способность работать в непредсказуемых ситуациях и проявлять реакции, которые создатели не могут полностью спрогнозировать, делает системы искусственного интеллекта объектом, требующим особого внимания с точки зрения безопасности. Такие технологии кардинально отличаются от традиционных автоматизированных программ благодаря возможности самообучения, обработки информации и выработки решений без человеческого контроля на каждом этапе. По своей сути искусственный интеллект является комплексом технических и программных компонентов, наделённых автономностью в процессах анализа и принятия решений.

Специфические характеристики систем искусственного интеллекта, включая способность к автономной работе и машинному обучению, создают препятствия для определения реального контроля пользователя над их функционированием. Это обстоятельство вызывает обоснованные сомнения относительно правомерности безусловного привлечения к ответственности только того субъекта, который использует данную технологию. Традиционные нормы гражданского законодательства предусматривают механизм безвиновной ответственности владельца объекта, представляющего повышенную опасность, за ущерб, который этот объект причинил. Теоретически такой подход применим и к технологиям искусственного интеллекта, но его реализация невозможна без учёта уникальных особенностей ИИ-технологий.

Судебная система и нормативно-правовая база оказываются перед вызовом: требуется найти оптимальное соотношение между стимулированием технологического прогресса и гарантиями адекватного возмещения ущерба пострадавшим лицам. Одновременно с этим, если не признавать системы искусственного интеллекта объектами, представляющими повышенную угрозу, это способно ослабить юридическую защищённость тех, кто понес убытки [1].

Традиционно принятая методика взгляда на искусственный интеллект утверждает его роль как юридически нейтрального инструмента, что предполагает, что любые юридические вопросы, связанные с вредом, нанесенным с помощью ИИ, решаются путем привлечения к ответственности лица, использующего этот ИИ, будь то владелец, оператор или пользователь. Этот подход укоренен в основных принципах гражданского законодательства и поддерживает юридическую ясность, так как он не предполагает изменения основных юридических понятий, связанных с правоспособностью.

Применение ИИ порождает проблемы, особенно когда речь заходит о выявлении связей между действиями пользователя и возможным вредом, вызванным решениями ИИ, которые формируются независимо и на основании самостоятельного обучения. Это усложняется тем,

что не всегда справедливо возлагать весь вес ответственности на пользователя, так как он часто не может влиять на структуру, обучение и обновление системы ИИ, что может приводить к неравномерному распределению рисков.

Одна из стратегий управления рисками, связанными с искусственным интеллектом, предполагает возложение обязанностей по компенсации ущерба на лиц, разрабатывающих или производящих эти системы. Этот подход подразумевает, что недочеты в алгоритме, ошибки в проектировании или применение неподходящих данных для обучения модели могут быть причиной возникновения ущерба.

В такой системе ответственность разработчиков и производителей может рассматриваться как ответственность за дефекты в продукции, выполнении работ или предоставлении услуг. Это, в свою очередь, способствует разработке более безопасных и надежных систем ИИ, передавая бремя риска тем, кто обладает лучшими техническими средствами для его минимизации.

Такой подход не всегда подходит, так как не учитывает случаи, когда проблемы возникают из-за ошибок в использовании искусственного интеллекта или изменений в его рабочих условиях после начала его использования. Более того, разработчикам часто сложно предсказать все возможные способы применения ИИ, что вызывает сомнения в безусловной ответственности за его работу.

В сфере применения искусственного интеллекта в правоведении принимается подход, основанный на многослойной структуре, который предполагает концепцию распределенной ответственности. Этот метод предусматривает, что нанесение вреда может влечь за собой ответственность не одного лица, а нескольких участников процесса, в том числе разработчиков, поставщиков, интеграторов, операторов и пользователей.

Эта модель ответственности соответствует сложности экосистемы искусственного интеллекта, позволяя учесть влияние каждого участника на возникновение вреда. Однако внедрение такой системы требует создания точных законодательных рамок для определения как распределяется ответственность, так и механизмов для подтверждения участия каждого из субъектов в процессе, что может стать проблематичным в реализации.

Применение риск-ориентированной стратегии способствует установлению гармонии между защитой интересов пострадавших и поддержкой новаторского прогресса, соответствуя при этом актуальным направлениям в управлении цифровыми технологиями.

В академических кругах ведутся дебаты о возможности признать искусственный интеллект независимой единицей в правовом поле с ограниченными правами. Предложение

заключается в том, чтобы видеть в ИИ не просто технологию, а полноценную электронную личность, обладающую способностью к юридической ответственности.

Тем не менее, такой подход сталкивается с критикой, основанной на том, что искусственный интеллект не обладает сознанием, волей и не может владеть имуществом как отдельная сущность. Пока что эта идея остается в основном на теоретическом уровне и не нашла своего отражения в законодательстве.

Наблюдается усиленный фокус на процессуальные аспекты регулирования ущерба, вызванного действиями искусственного интеллекта. Важной частью данного подхода является определение, каким образом происходит распределение обязанностей по предоставлению доказательств в судебных делах. Это особенно актуально в контексте значительной информационной несбалансированности между пострадавшими и разработчиками ИИ, где последние имеют эксклюзивный доступ к алгоритмам, обучающим материалам и технической документации.

Часто жертвы инцидентов, связанных с искусственным интеллектом, сталкиваются с проблемами в определении источника вреда и доказательстве вины оператора или создателя системы. В литературе предлагается изменить подход к распределению обязанностей по предоставлению доказательств. Согласно этому подходу, ответственность за подтверждение соблюдения всех необходимых стандартов безопасности и надлежащей аккуратности в настройке, тестировании и контроле работы ИИ должна лежать на пользователях и эксплуатантах таких систем.

Подход, акцентирующий внимание на процессуальных аспектах, ведет к формированию понятия ответственности, которое опирается на принципы должной осмотрительности. В этом контексте, когда речь заходит о вреде, причиненном использованием искусственного интеллекта, юридическая ответственность акцентируется не столько на наличии вины, как это принято традиционно, сколько на соблюдении определенных норм безопасного и ответственного применения ИИ. Ключевые аспекты этих норм включают в себя риск-оценку до начала использования систем, обеспечение прозрачности алгоритмов, документацию обучающих и эксплуатационных процедур, а также интеграцию механизмов для контроля со стороны человека.

Для урегулирования ущерба, вызванного деятельностью искусственного интеллекта, обсуждается страхование. Такое сочетание позволяет адаптироваться к особенностям использования ИИ в разных сферах, учитывая уровень возможных рисков и степень самостоятельности систем. Смешанная модель ответственности способствует более гибкому

правовому регулированию и способствует созданию надежной защиты прав человека в эпоху цифровизации [2].

Достижение полной автоматизации искусственного интеллекта представляется возможным только при определенных условиях. Оптимальным подходом в контексте цифровой трансформации правовой системы видится сохранение за технологиями вспомогательной роли, например, для снижения нагрузки на судебные инстанции через внедрение электронных платформ правосудия и формирование судебных решений по стандартным делам о налоговых взысканиях. Это останется актуальным даже после того, как будут устранены существующие законодательные недоработки и создан упорядоченный свод нормативных документов, регламентирующих применение и ответственность искусственного интеллекта.

Создание подобной усовершенствованной системы способствовало бы существенному уменьшению риска технических погрешностей и неправильного применения автоматизированного оборудования, к примеру, в здравоохранении при первичном обследовании больных или проведении диагностических процедур. Это предполагает воспитание умения выстраивать личностное восприятие жизненных условий, основанное на нравственных принципах, и способности сопереживать чужим страданиям. Необходимо также развить навык преодоления механического воспроизведения запрограммированной последовательности операций. Ключевым становится формирование способности обдуманно оценивать обстоятельства, связанные с нарушением закона, прогнозировать их результаты для предотвращения негативных исходов.

В будущем это могло бы привести к признанию искусственного интеллекта в качестве субъекта права, особенно при выполнении хирургических вмешательств высокой сложности и диагностике заболеваний с хроническим течением.

Между тем сохраняет свою значимость вопрос юридической ответственности субъектов, которые внедряют ИИ-технологии в свою производственную деятельность.

Изучение различных методов юридической ответственности в контексте ущерба, вызванного искусственным интеллектом, подтверждает, что эта задача обладает высокой сложностью и многоаспектностью. Не существует единого подхода, который бы полностью отвечал требованиям специфики работы систем ИИ. Предложение о создании смешанной модели ответственности, которая бы включала элементы рискового управления, распределение обязанностей среди всех участников экосистемы ИИ и применение установленных норм аккуратности, кажется наиболее обоснованным.

Существующие юридические инструменты компенсации ущерба, нанесенного автономными роботизированными комплексами вне договорных отношений, оказываются неприменимыми на практике. Правовое регулирование, ориентированное исключительно на человека, демонстрирует свою ограниченность при решении данных вопросов. Отсутствие систематизированного терминологического аппарата и теоретической базы в научных исследованиях порождает множественность противоречащих друг другу взглядов на проблематику юридической ответственности искусственного интеллекта. Помимо перечисленного, в

Хотя в настоящее время создание сильного искусственного интеллекта остается лишь теоретической перспективой при существующем уровне научного прогресса, его потенциальная разработка потребует формирования принципиально новых нормативных подходов. По мере эволюции ИИ-систем формирование специализированного правового режима для таких объектов становится неотвратимым. При этом существует определенная проблема: законодательные ограничения имеют тенденцию трансформироваться в программные барьеры, что негативно сказывается на процессе принятия профильного законодательства в данной сфере.

О перспективности данного вектора в области искусственного интеллекта свидетельствует масштабное инвестирование соответствующих разработок со стороны крупных корпораций, таких как DeepMind, Intel, Google Brain и Open AI, для которых создание подобных технологий является приоритетной задачей.

Описанные выше концепции относительно юридической ответственности при нарушениях, связанных с разработкой и эксплуатацией самостоятельных интеллектуальных платформ, а также общие вопросы развития ИИ остаются предметом активных научных споров и нуждаются в углубленном исследовании.

Необходимо модифицировать законодательство таким образом, чтобы оно способствовало надёжной защите интересов личности, общественности и государства, а также поддерживало стабильное и безопасное прогрессирование интеллектуальных технологий, регулируя ответственность за ущерб, вызванный действиями искусственного интеллекта. [3].

Список литературы

1. Андреева В.А. Юридическая ответственность в случае применения систем искусственного интеллекта и робототехники / В.А. Андреева // Юриспруденция, закон и порядок: актуальные вопросы теории и практики: Сборник статей IV Международной научно-

практической конференции, Пенза, 25 мая 2024 года. Пенза: Международный центр научного сотрудничества "Наука и Просвещение", 2024. С. 153-156.

2. Бахтеев Д.В. Правовой статус систем искусственного интеллекта и модели дифференциации юридической ответственности за причиненный ими вред / Д.В. Бахтеев // Lex Russica (Русский закон). 2024. Т. 77, № 4 (209). С. 9-23.

3. Гофман В.Ю. Проблемы ответственности за совершения юридических действий с использованием искусственного интеллекта / В.Ю. Гофман // Актуальные вопросы юридической науки глазами молодых исследователей: Сборник статей по итогам Четвертой Всероссийской научной конференции курсантов, студентов, адъюнктов, аспирантов и соискателей, Рязань, 02 февраля 2024 года. Москва - Нижний Новгород: Постер-М, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, 2024. С. 42-44.

4. Черепок С.Н. О некоторых подходах к определению субъекта ответственности за вред, причиненный искусственным интеллектом / С.Н. Черепок // Образование, технологии и общество на смене эпох: Материалы XX международного конгресса с элементами научной школы для молодых ученых. В 2-х томах, Москва, 28–29 марта 2024 года. Москва: Московский университет им. С.Ю. Витте, 2024. С. 651-659.

MAIN APPROACHES TO LEGAL LIABILITY FOR HARM CAUSED BY ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Davudova Saida Yamudinovna
Associate Professor, Department of Information Law and Computer Science, Law Institute,
Dagestan State University,
Makhachkala, Russian Federation
Ragimkhanova Kamilla Tagirovna
Senior Lecturer, Department of Information Law and Computer Science,
Law Institute,
Dagestan State University,
Makhachkala, Russian Federation

Annotation. Artificial intelligence possesses a number of specific characteristics, including autonomous decision-making, the ability to self-learn, and the probabilistic nature of its functioning outcomes. These features significantly complicate the application of classical models of legal liability based on fault, causation, and the subject's control over the source of harm. As a result, various approaches to determining the subjects and scope of liability for harm caused by artificial intelligence have emerged in legal doctrine. The purpose of this article is to analyze the main approaches to legal liability for harm caused by artificial intelligence, to identify their advantages and disadvantages, and to determine the most promising directions for the development of legal regulation in this field. To achieve this purpose, the methods of formal legal analysis, as well as systemic and comparative legal approaches, are employed.

Keywords: artificial intelligence, legal liability, harm, risk-oriented approach, due diligence standards, digital law, automated decision-making.

References

1. Andreeva V.A. Legal Liability in the Case of Using Artificial Intelligence Systems and Robotics / V.A. Andreeva // Jurisprudence, Law and Order: Current Issues of Theory and Practice: Collection of Articles from the IV International Scientific and Practical Conference, Penza, May 25, 2024. Penza: International Center for Scientific Cooperation "Science and Education", 2024. Pp. 153-156.
2. Bakhteyev D.V. Legal Status of Artificial Intelligence Systems and Models of Differentiation of Legal Liability for the Damage Caused by Them / D.V. Bakhteyev // Lex Russica (Russian Law). 2024. Vol. 77, No. 4 (209). Pp. 9-23.
3. Goffman V.Yu. Problems of Liability for Legal Actions Using Artificial Intelligence / V.Yu. Goffman // Current Issues of Legal Science through the Eyes of Young Researchers: A Collection of Articles Following the Results of the Fourth All-Russian Scientific Conference of Cadets, Students, Adjuncts, Postgraduates, and Applicants, Ryazan, February 2, 2024. Moscow - Nizhny Novgorod: Poster-M, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 2024. Pp. 42-44.
4. Cherepok S.N. On Some Approaches to Defining the Subject of Liability for Harm Caused by Artificial Intelligence / S.N. Cherepok // Education, Technology, and Society at the Change of Eras: Proceedings of the XX International Congress with Elements of a Scientific School for Young Scientists. In 2 volumes, Moscow, March 28-29, 2024. Moscow: Moscow University named after S.Yu. Witte, 2024. Pp. 651-659.